

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. От разговора о политике как призвании и профессии вы неизбежно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам. Но об этом мы скажем лишь под конец, чисто формально, в связи с определенными вопросами, относящимися к значению политической деятельности во всем ведении жизни (*Lebensführung*). Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, какую политику следует проводить, какое, таким образом, содержание следует придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни – государством.

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно, присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфического применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства – физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие «государства», тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (*innerlich*). В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некотором решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» «вождя». Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf[1]) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является политический вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие (Herrschafts-betrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, – посредством этого подчинения – в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre). Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалование современных государственных служащих, рыцарская честь (Ritterehre). сословные привилегии, престиж чиновников (Beamten-ehre) образуют вознаграждение, а страх потерять их – последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству харизматического вождя: военные почести (Kriegsehre) и добыча военной дружины, «spoils»[2]: эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

Совершенно так же, как и на хозяйственном предприятии, для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб – чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, – является самостоятельным собственником средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления «отделен» от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия «отделены» от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет самостоятельно и за свой счет организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владельцы) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

Политический союз, в котором материальные средства управления полностью или частично подчинены произволу зависимого штаба управления, мы будем называть «сословно» («standisch») расчлененным союзом. Например, вассал в вассальном союзе покрывал расходы на управление и правосудие в округе, пожалованном ему в лен, из собственного кармана, сам экипировался и обеспечивал себя провиантом в случае войны; его вассалы делали то же самое. Это, естественно, имело последствия для могущества сеньора (Herr), которое покоилось лишь на союзе личной верности и на том, что обладание леном и социальная честь (Ehre) вассала вели свою «легитимность» от сеньора.

Но всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина (Herr): через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов со своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в «сословном» союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной «аристократии», то есть разделяет с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев – неимущие, лишенные собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных «частных» носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном «государстве» полностью реализовано (и это существенно для его понятия) «отделение» штаба управления – управляющих чиновников и работников управления – от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наисовременнейшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место поставленного (gesetzt) начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность – все равно, с каким правом, – из воли тех, кто находится под господством. Другое дело, насколько тут оправданна надежда осуществить на основе этого успеха – по меньшей мере кажущегося – также и экспроприацию внутри капиталистических хозяйственных предприятий, руководство которыми, в сущности, несмотря на далеко идущие аналогии, следует совершенно иным законам, чем политическое управление. Но от оценок этого вопроса мы сегодня воздержимся. Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто понятийный: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории «профессиональных политиков» во втором смысле, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили на службу политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что лишь на Западе мы находим этот род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. В прошлом они были их важнейшим инструментом для исполнения власти и осуществления политической экспроприации.

Прежде чем заняться рассмотрением таких «профессиональных политиков» более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься «политикой» – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые – по общему правилу – занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые «работают» на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. «Сословиями» мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека от того, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org специально требовали их господин или другие члены сословия. Аналогичным образом вела себя и часть вспомогательных сил, привлекаемых князем в борьбе за создание собственного политического предприятия, которое должно было находиться в его распоряжении. Это было характерно для «домашних советников» и, еще раньше, для значительной части советников, собирающихся в «курии» и других совещательных органах князя. Но, конечно, князь не обходился этими вспомогательными силами, действовавшими лишь по случаю и по совместительству. Он должен был попытаться создать себе штаб вспомогательных сил, полностью и исключительно избравших как основную профессию службу у князя. От того, откуда он брал их, существенным образом зависела структура возникающего династического политического образования, и не только она, но и все своеобразие соответствующей культуры. Перед той же необходимостью оказались тем более политические союзы, которые при полном устранении или значительном ограничении власти князей политически конституировались в качестве (так называемых) «свободных» сообществ (*Gemeinwesen*) – «свободных» не в смысле свободы от насильственного господства, но в смысле отсутствия насилия, легитимного в силу традиции (по большей части религиозно освященной), со стороны князя как исключительного источника всякого авторитета. Исторической родиной таких союзов является только Запад, а зачатком их был город как политический союз, как таковой появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья. Как выглядели во всех этих случаях «преиму-щественно-профессиональные» («*hauptberuflichen*») политики?

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой» («*von*» der Politik). Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» – либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу» («*Sache*»), и тем самым придает смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны – экономической. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода-, «для» политики – тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть самостоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа – что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно «обходим» в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени – а в античности и в средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, – будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни – на что следует обратить особое внимание – предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле «обходимыми». Ибо и предприниматель, и именно предприниматель, – промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства – привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно можно заместить, например, врача, и чем более талантливым и занятым он является, тем реже возможна замена. Легче уже заместить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы отсутствие у политически господствующего слоя стремления также жить и «за счет» политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно «о деле». Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека работа об экономической «безопасности» своего существования эмпирически является – осознанно или неосознанно – кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к внеобыденным, то есть революционным, эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей (Interessen-ten), вождей (Führerschaft) и свиты (Gefolgschaft) связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики, руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются, как обычно говорят, «независимые», то есть состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым «пребэндарием» («Pfrunder») или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (Leistungen) – чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, – или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли, пребенды всякого рода, а с развитием денежного хозяйства в особенности места, связанные со взиманием сборов (Sportelpfrunden), были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. В Германии все противоборство партикуляри-стских и централистских устремлений закручено прежде всего и вокруг вопроса, какая из сил – берлинцы ли или же мюнхенцы, карлсруэсцы, дрезденцы – будет иметь патронаж над должностями. Ущемления в распределении должностей воспринимаются партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям. Во Франции смена префекта, имеющая партийно-политический характер, всегда считалась большим переворотом и возбуждала больше шума, чем какая-нибудь модификация правительственной программы, имевшая почти исключительно фразеологическое значение. Со времени исчезновения старых противоположностей в истолковании конституции многие партии (именно так обстоит дело в Америке) превратились в настоящие партии охотников за местами, меняющие свою содержательную программу в зависимости от возможности улова голосов. В Испании вплоть до последних лет две крупные партии сменяли друг друга в конвенционально закрепленной очередности в форме сфабрикованных свыше «выборов», чтобы обеспечить должностями своих сторонников. В регионах испанских колониальных владений как при так называемых «выборах», так и при так называемых «революциях» речь всегда идет о государственной кормушке, которой намерены воспользоваться победители. В Швейцарии партии мирно распределяют между собой должности

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org путем пропорциональных выборов, и многие из наших «революционных» проектов конституции, например первый проект, предложенный для Бадена, имели целью распространить ту же систему и на министерские посты, то есть рассматривали государство и должности в нем именно как учреждение по обеспечению доходными местами. Этим прежде всего вдохновлялась партия центра и даже провозгласила пунктом своей программы в Бадене пропорциональное распределение должностей сообразно конфессиям, то есть невзирая на успех. Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически гарантированного обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий, и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiter-schaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Дилетантское управление делая добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч чиновников – вплоть до почтальонов – в зависимости от исхода президентских выборов и не знало пожизненных профессиональных чиновников, давно нарушено Civil Service Reform. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий – государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими финансами. По управленческим реформам императора Макса можно видеть, с каким трудом даже под давлением крайней нужды и турецкого господства чиновникам удавалось экспроприировать [власть] князя в той сфере, которая меньше всего способна была терпеть произвол господина, все еще остававшегося прежде всего рыцарем. Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства – вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия (Selbstherrschaft) профессиональному чиновничеству, благодаря которому только и стала для князя возможной победа над сословиями.

Одновременно с подъемом вышколенного чиновничества возникали также – хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов – «руководящие политики». Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру «великого визиря». На Западе, прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V – эпоху Макиавелли – впервые становилась сознательно практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвященных, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в Китае в последнюю эпоху существования там отдельных государств. Необходимость формально единого ведения всей политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли коллегиальные высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными – «кабинетом» – и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета – или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, – благодаря

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть – как это в особенности имело место в Германии, – интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества в противоположность парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она – как в Англии – пересиливала монарха. Здесь получил развитие «кабинет» во главе с единым парламентским вождем, «лидером», как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы – партии, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы – партии – и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утвердить свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, – в ответственном за все решения вожде – главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Преобразование политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fach-beamte), с другой – «политические» чиновники, «политические» чиновники в собственном смысле слова, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же «направлены в распоряжение», как французские префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность «независимости» чиновников с функциями судей. В Англии к категории «политических» чиновников относятся те чиновники, которые по укоренившейся традиции покидают свои посты при смене парламентского большинства и, следовательно, кабинета. Обычно с этим должны считаться те чиновники, в компетенцию которых входит общее «внутреннее управление», а составной частью «политической» деятельности здесь в первую очередь является задача сохранения «порядка» в стране, то есть существующих отношений господства. В Пруссии эти чиновники, согласно указу Пюткамера, должны были под угрозой строгого взыскания «представлять политику правительства» и, равно как и префекты во Франции, использовались в качестве официального аппарата для влияния на исход выборов. Правда, большинство «политических» чиновников, согласно немецкой системе, – в противоположность другим странам – равны по качеству всем остальным, так как получение этих постов тоже связано с университетским обучением, специальными экзаменами и определенной подготовительной службой. Этот специфический признак современного чиновника-специалиста отсутствует у нас только у глав политического аппарата – министров. Уже при старом режиме можно было стать министром культуры Пруссии, ни разу даже не посетив никакого высшего учебного заведения, в то время как в принципе стать советником-докладчиком можно было лишь по результатам предписанных

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org экзаменов. Само собой разумеется, профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был, например в министерстве образования Пруссии при Альтхоффе, гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался. Аналогично обстояли дела в Англии. Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех обыденных потребностей оказывался самым могущественным. И это тоже само по себе не выглядело нелепым. Министр же был именно репрезентантом политической конstellации власти, должен был выступать представителем ее политических масштабов и применять эти масштабы для оценки предложений подчиненных ему чиновников-специалистов или же выдавать им соответствующие директивы политического рода.

То же самое происходит и на частном хозяйственном предприятии: подлинный «суверен», собрание акционеров, настолько же лишен влияния в руководстве предприятием, как и управляемый чиновниками-специалистами «народ», а лица, определяющие политику предприятия, подчиненный банкам «наблюдательный совет» дают только хозяйственные директивы и отбирают лиц для управления, будучи неспособными, однако, самостоятельно осуществлять техническое руководство предприятием. В этом отношении и нынешняя структура революционного государства, дающего абсолютным дилетантам в силу наличия у них пулеметов власть в руки и намеревающегося использовать профессионально вышколенных чиновников лишь в качестве исполнителей, – такое государство вовсе не представляет собой принципиального новшества. Трудности нынешней системы состоят совсем не в этом, но они не должны нас сейчас занимать.

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как «вождя», так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

Как мы видели, в прошлом «профессиональные политики» появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы.

В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним прежде всего относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае и Японии и ламаистской Монголии – точно так же, как и в христианских регионах средневековья, – клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходит импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников с тем, чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдающий целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был «отделен» от средств предприятия государева управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманистическое образование грамматиков (*Litera-ten*). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять латинские речи и греческие стихи. Таково время первого расцвета школ гуманистов, когда князья учреждали кафедры «поэтики»: у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. Иначе обстояло дело в Восточной Азии. Китайский мандарин является или, скорее, изначально являлся примерно тем, кем был гуманист у нас в эпоху Возрождения: грамматиком, получившим гуманитарное образование и успешно выдержавшим экзамены по литературным памятникам далекого прошлого. Если вы прочтете дневники Ли Хун-Чжана, то обнаружите, что даже он более всего гордится тем, что сочинял стихи и был хорошим каллиграфом. Этот слой вместе с его традициями, развившимися в связи с китайской античностью, определил всю судьбу Китая, и, быть может, подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в свое время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания.

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманистов-грамматиков на службу князьям поступили профессиональные

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
политики из числа придворной знати.

Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый техническим термином «джентри» («*gentry*»), – слой, который князь первоначально вовлек в борьбу против баронов и ввел во владение должностями «*selfgovern-menfa*»[3], а в результате сам затем оказывался во все большей зависимости от него. Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступил в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой – это юристы, получившие университетское образование, – был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизирующая политическая тенденция как тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. Ни в одном другом регионе мира не найти аналогов подобному процессу. Все зачатки рационального юридического мышления в индийской школе мимансы, а также постоянная забота о сохранении античного юридического мышления в исламе не смогли воспрепятствовать тому, что теологические формы мышления заглушили рациональное правовое мышление. Прежде всего не был полностью рационализирован процессуальный подход. Это стало возможным лишь благодаря заимствованию итальянскими юристами античной римской юриспруденции, абсолютно уникального продукта, созданного политическим образованием, совершающим восхождение от города-государства к мировому господству; результатом были *usus modernus*[4] в сочинениях знатоков пандектного и канонического права в конце средних веков, а также теории естественного права, порожденные юридическим и христианским мышлением и впоследствии секуляризованные. Крупнейшими представителями этого юридического рационализма выступили: итальянские подеста, французские королевские юристы, создавшие формальные средства для подрыва королевской властью господства сеньюров, теоретики концилиаризма (специалисты по каноническому праву и теологи, рассуждающие при помощи категорий естественного права), придворные юристы и ученые судьи континентальных князей, нидерландские теоретики естественного права и монархомахи, английские королевские и парламентские юристы. *Noblesse de Robe*[5] французских парламентав и, наконец, адвокаты эпохи революции. Без этого рационализма столь же мало мыслимо возникновение абсолютистского государства, как и революция. Если вы просмотрите возражения французских парламентов или указы французских Генеральных штатов, начиная с XVI в. вплоть до 1789 г., вы всюду обнаружите присущий юристам дух. А если вы изучите членов французского Конвента с точки зрения их профессионального избирательного права – одного-единственного пролетария, очень мало буржуазных предпринимателей, но зато множество всякого рода юристов, без которых был бы совершенно немыслим специфический дух, живший в этих радикальных интеллектуалах и их проектах, с тех пор современный адвокат и современная демократия составляют одно целое, а адвокаты в нашем смысле, то есть в качестве самостоятельного сословия, утвердились опять-таки лишь на Западе, начиная со средних веков, постепенно сформировавшись из «ходатая» в формалистичном германском процессе, под влиянием рационализации этого процесса.

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий. Политическое предприятие делается партиями, то есть представляет собой именно предприятие заинтересованных сторон – мы скоро увидим, что это должно означать. А эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он – поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды – превосходит любого «чиновника». Конечно, он может успешно, то есть технически «хорошо», провести подкрепленное логически слабыми аргументами, то есть в этом смысле «плохое», дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически «сильными» аргументами, то есть дело в этом смысле «хорошее». Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически «скверным» руководством делает «хорошее» в этом смысле дело

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
«дурным»: нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние – это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима – не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего беспристрастно – данное требование применимо даже к так называемым «политическим» управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова, и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики – такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы называем «господством чиновников»; и, конечно, достоинства нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере – со времени развития демократии типом политика-вождя является «демагог». У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя «демагога» носил не Клеон, но Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность должностям, занимаемым в античной демократии по жребию), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, – в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист и прежде всего – журналист.

В рамках нашего доклада невозможно дать даже наброски социологии современной политической журналистики. В любом аспекте данная проблема должна составить самостоятельную главу. Лишь немного из нее, безусловно, относится и к нашей теме. У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем – по меньшей мере на континенте в противоположность ситуации в Англии, да, в общем, и в Пруссии в более ранний период, – та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификации. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемым в «обществе» по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда – распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же «духа», что и какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же оказать эффект, при том, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. Почти никогда не отмечается, что ответственность здесь куда большая и что у каждого честного журналиста чувство ответственности, как показала война, в среднем ничуть не ниже, чем у ученого, но выше. А не отмечают данный факт потому, что в памяти естественным образом задерживаются именно результаты безответственной

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org деятельность журналистов в силу их часто ужасающего эффекта. Никто не верит, что в целом сдержанность дельных в каком-то смысле журналистов выше в среднем, чем у других людей. И тем не менее это так. Несравненно более серьезные искушения, которые влечет за собой профессия журналиста, а также другие условия журналистской деятельности привели в настоящее время к таким последствиям, которые приучили публику относиться к прессе со смешанным чувством презрения и жалкого малодушия. О том, что тут следует делать, мы сегодня поговорить не сможем. Нас интересует судьба политического профессионального призвания журналистов, их шансы достичь ведущих политических постов. До сих пор они имелись лишь в социал-демократической партии. Но должности редакторов в ней, как правило, имели характер чиновничьих мест, не представляя основы для позиции вождя.

В буржуазных партиях в сравнении с предшествующим поколением шансы восхождения таким образом к политической власти в целом скорее ухудшились. Конечно, всякий значительный политик нуждается в прессе как эффективном инструменте воздействия и, следовательно, в связях с прессой. Но появление партийного вождя из рядов прессы было именно исключением (тем, чего не следовало ожидать). Причина тут состоит в сильно возросшей «необходимости» журналиста, прежде всего журналиста, не имеющего состояния и потому привязанного к профессии, что обусловлено значительным увеличением интенсивности и актуальности журналистского предприятия. Необходимость зарабатывать ежедневными или еженедельными статьями гирей повисает на политике, и я знаю примеры того, как люди, по натуре созданные быть вождями, оказались поэтому надолго скованными в своем продвижении к власти как внешне, так и прежде всего внутренне. Связи прессы с силами, господствующими в государстве и в партиях, оказали самое неблагоприятное действие на уровень журналистики при старом режиме, но это особая глава. Во вражеских странах подобные отношения складывались иначе. Однако и там, да, видимо, и для всех современных государств, имеет силу положение, что политическое влияние работника-журналиста все уменьшается, а политическое влияние владеющего прессой магната-капиталиста (такого, например, как «лорд» Нортклиф) – все возрастает.

Во всяком случае, у нас в Германии крупные капиталистические газетные концерны, прибравшие к рукам газетенки с «мелкими объявлениями», «генерал-анцай-геры», обычно были типичными воспитателями политического индифферентизма. Ибо на самостоятельной политике нельзя было ничего заработать, прежде всего нужной для гешефта благосклонности политически господствующих сил. Гешефт на объявлениях – один из способов, каким во время войны попытались с большим размахом оказать политическое воздействие на прессу и, видимо, собираются воздействовать и впредь. Хотя следует ожидать, что большая пресса сумеет уклониться от такого воздействия, однако положение мелких газетенок гораздо труднее. Во всяком случае, в настоящее время у нас карьера журналиста, сколь бы притягательна она ни была и какое бы влияние, прежде всего политическую ответственность, ни сулила, не является – следует, пожалуй, еще подождать, чтобы сказать: «больше не» или «еще не», – нормальным путем восхождения политических вождей. Трудно сказать, изменит ли тут что-нибудь отказ от принципа анонимности, что считают правильным многие – но не все – журналисты. К сожалению, во время войны, когда к «руководству» газетами были специально привлечены литературно одаренные личности, к тому же категорически выступавшие только под своим именем, в некоторых наиболее известных случаях пришлось убедиться, что таким путем повышенное чувство ответственности воспитывается не так уж обязательно, как можно было бы думать. Ведь – невзирая на партийную принадлежность – частично как раз заведомо худшие бульварные газетенки стремились тем самым увеличить спрос и достигали этого. Такого рода господ, издатели, равно как и журналисты, специализирующиеся на сенсациях, нажили себе состояние – но, конечно, не добыли чести. Приведенный факт – отнюдь не возражение против самого принципа; вопрос весьма запутан, и данное явление также не носит всеобщего характера. Однако до сих пор такой путь не был путем к подлинному вождизму или ответственному предприятию политики. Остается выжидать, как дальше сложится ситуация.

Но при всех обстоятельствах журналистская карьера остается одним из важнейших путей профессиональной политической деятельности. Такой путь не каждому подходит, и менее всего – слабым характерам, в особенности тем людям, которые способны обрести внутреннее равновесие лишь в каком-нибудь устойчивом сословном состоянии. Если даже жизнь молодого ученого и носит азартный характер, то все-таки прочные сословные традиции его окружения предохраняют его от неверных шагов. Но жизнь журналиста в любом отношении –

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
это чистейший азарт, и к тому же в условиях, испытывающих его внутреннюю прочность так, как, пожалуй, ни одна другая ситуация. Часто горький опыт в профессиональной жизни – это, пожалуй, не самое худшее. Как раз особенно тяжелые внутренние требования предъявляются к преуспевающему журналисту. Это отнюдь не мелочь: входить в салон власть имущих как бы на равной ноге и нередко в окружении всеобщей лести, вызванной боязнью, общаться, зная при этом, что стоит тебе только выйти за дверь, как хозяин дома, быть может, должен будет специально оправдываться перед гостями за общение с «мальчишками–газетчиками»; и уж совсем не мелочь: быть обязанным быстро и притом убедительно высказываться обо всех и обо всем, что только потребует «рынок», обо всех мыслимых жизненных проблемах, не только не впадая в их абсолютное опошление, но и не оказываясь прежде всего обреченным на бесцельное самообнажение и его неумолимых последствий. Не то удивительно, что многие журналисты «девальвировались» как люди, сошли с колеи, но то, что тем не менее именно данный слой заключает в себе столько драгоценных, действительно настоящих людей, что в это трудно поверить постороннему.

Но если журналист как тип профессионального политика существует уже довольно–таки давно, то фигура партийного чиновника связана с тенденцией последних десятилетий и частично последних лет. Мы должны теперь обратиться к рассмотрению партийной системы (Parteiwesens) и партийной организации, чтобы понять эту фигуру сообразно ее месту в историческом развитии.

Во всех сколько–нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является предприятием претендентов (Interessentenbetrieb). Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, то есть в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами, например обязательностью участия в выборах, или «цеховым» (berufsständische) представительством, или другими предложениями такого рода, демонстративно или фактически направленными против этого факта, а тем самым против господства профессиональных политиков. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя – суть необходимые жизненные элементы любой партии. Однако структура их различна. Например, «партии» средневековых городов, такие, как гвельфы и гибеллины, представляли собой сугубо личную свиту. Если взглянуть на Statute del la parte Gueifa[6], конфискацию имущества нобилей – как изначально назывались все те семьи, которые вели рыцарский образ жизни, то есть имели право вступать в ленные отношения, – лишение их права занимать должности и права голоса, интерлокальные партийные комитеты и строго военные организации и их вознаграждения доносчикам, то это живо напечалит большевизм с его Советами, его военными и (прежде всего в России) шпионскими организациями, прошедшими суровый отбор, разоружением и лишением политических прав «буржуазии», то есть предпринимателей, торговцев, рантье, духовенства, отпрысков династий и полицейских агентов, а также с его конфискациями. И эта аналогия подействует еще более ошеломляюще, если мы посмотрим, что, с одной стороны, военная организация указанной партии была сугубо рыцарским войском, формируемым по матрикулам, и почти все руководящие места в ней занимали дворяне; Советы же со своей стороны сохраняют или, скорее, снова вводят высокое вознаграждение предпринимателям, аккордную зарплату, систему Тейлора, военную и трудовую дисциплину и ведут поиски иностранного капитала – одним словом, снова просто должны принять все то, с чем боролись как с классовыми буржуазными учреждениями, чтобы вообще со хранить в действии государство и хозяйство; и помимо того, главным инструментом своей государственной власти они сделали агентов старой охраны. Но такими организациями, носящими насильственный характер, нам не придется заниматься, мы имеем дело с профессиональными политиками, которые стремятся к власти через мирную партийную агитацию на рынке голосов избирателей.

Эти партии в нашем обычном смысле первоначально тоже были, например в Англии, только свитой аристо кратии. Каждый переход в другую партию,

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org совершаемый по какой-либо причине пэрром, влек за собой немедленный переход в нее всего, что от него зависело. Крупные дворянские семьи, и не в последнюю очередь, король вплоть до Билля о реформе осуществляли патронаж над множеством округов. К этим дворянским партиям близко прилегают партии уважаемых людей, получившие новое местное распространение вместе с распространением власти бюргерства. «Образованные и состоятельные?». Круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев. Запада, разделились, частично по классовым интересам, частично по семейной традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили. Духовенство, учителя, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты – весь тот слой, который в Англии причисляет себя к gentlemen, – образовал сначала нерегулярные политические союзы, самое большее – локальные политические клубы; в смутные времена беспокойство доставляла мелкая буржуазия, а иногда и пролетариат, если у него появлялись вожди, которые, как правило, не были выходцами из его среды. На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах. Программы возникают частично из агитационных призывов кандидатов, частично в связи со съездами уважаемых граждан или решениями парламентских партий. В мирное время руководство клубами или, там, где их не было, совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство – побочная или почетная должность; только журналист является оплачиваемым профессиональным политиком, и только газетное предприятие – постоянным политическим предприятием вообще. Наряду с этим существуют только парламентские сессии. Правда, парламентарии и парламентские вожди партий знают, к каким уважаемым гражданам следует обращаться на местах для осуществления желаемой политической акции. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы (Vereine) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов.

Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в действенности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины и даже если она растягивается «доверенными лицами» по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан. Вне центрального бюро пока еще нет оплачиваемых чиновников; именно «видные люди» ради уважения, которым они обычно пользуются, повсюду руководят местными союзами: это внепарламентские уважаемые граждане, которые оказывают свое влияние наряду с политическим слоем уважаемых граждан – заседающих в данный момент в парламенте депутатов. Конечно, поставщиком духовной пищи для прессы и местных собраний во все большей мере является издаваемая партией партийная корреспонденция. Регулярные членские взносы становятся необходимыми; часть их должна пойти на покрытие издержек штаб-квартиры партии. На этой стадии находилось еще не так давно большинство немецких партийных организаций. Во Франции же отчасти еще господствовала первая стадия: крайне слабое сплочение парламентариев, а в масштабах всей страны – малое число уважаемых людей на местах; программы, выдвигаемые кандидатом или его патроном только раз, при выставлении кандидатуры, хотя и с большей или меньшей местной привязкой к решениям и программам парламентариев. Данная система была нарушена лишь частично. При этом число политиков по основной профессии оказалось ничтожным; ими были главным образом избранные депутаты, немногие служащие центрального бюро, журналисты и – во Франции – в остальном те карьеристы, которые находились на «политической» службе или в тот момент стремились к таковой. Формально политика для них оставалась в основном побочной профессией. Да и число «министральных» депутатов было сильно ограничено. То же самое следует сказать и о кандидатах на выборах, которые непременно должны относиться к категории уважаемых граждан. Но число лиц, заинтересованных в политическом предприятии косвенно, прежде всего материально, было весьма велико. Ибо все предписания министерства и прежде всего всякое улаживание вопросов о должностях обязательно должны были решаться с учетом того, как такое решение скажется на выборах, и любого рода пожеланиям пытались дать ход через посредство местного депутата, которого министр, если депутат входил в его парламентское большинство (к чему, конечно, стремился каждый), должен

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org был выслушать благосклонно или враждебно. Каждый депутат патронировал должности и вообще все вопросы в своем избирательном округе, а чтобы снова быть избранным, поддерживал связь с местными уважаемыми людьми.

Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Предприятия берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся вне парламентов. Либо это «предприниматели» – например, американский босс и английский «election agent» [7] были, по существу, предпринимателями, – либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимаются выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают собрания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим «партийным съездом», может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто непрерывно ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов («Таммани-холл»). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат – «машина» (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) – или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора вождей партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии.

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения – постов или других преимуществ. От него – не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект личности вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом – это «харизматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

Данная форма получила признание не сразу, а в постоянной подспудной борьбе с уважаемыми людьми и парламентариями, отстаивающими свое влияние. Сначала это произошло в буржуазных партиях Соединенных Штатов, а затем – прежде всего в социал-демократической партии Германии. Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим, но даже если он есть, нужны всякого рода уступки тщеславию и небескорыстию уважаемых людей партии. Но прежде всего и машина может оказаться во власти партийного чиновника, прибравшего к рукам текущую работу. В некоторых социал-демократических кругах считают, что их партия оказалась в плену этой «бюрократизации». Между тем «чиновники» относительно легко приспособляются к личности вождя, оказываются под сильным воздействием его демагогических качеств: материальные и идеальные интересы чиновников находятся в тесной связи с ожидаемым получением при его посредстве партийной власти, а труд ради вождя сам по себе приносит огромное внутреннее удовлетворение. Восхождение вождей представляет гораздо большие трудности там, где наряду с чиновниками влияние на партию оказывают уважаемые люди – как это по большей части и бывает в буржуазных партиях. Ибо идеально они «творят свою жизнь» из крошечных постов в правлениях или комитетах, которые они занимают. Завистливое чувство (Ressentiment) по отношению к демагогу как homo novus [8], убеждение в превосходстве партийно-политического «опыта» – который действительно имеет большое значение, – а также идеологическая обеспокоенность разрушением старых партийных традиций определяют их поведение. А в партии на их стороне все традиционалистские элементы. Как сельский прежде всего, так и мелкобуржуазный избиратель приглядываются к известным им с давних пор уважаемым именам и не доверяют незнакомому человеку, правда, для того только, чтобы тем крепче примкнуть к нему в случае его успеха. Рассмотрим

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
на нескольких основных примерах это противоборство двух структурных форм и
в особенности обрисованное Остро-горским восхождение плебисцитарной формы.

Сначала обратимся к примеру Англии: там до 1868 г. основу партийной организации почти исключительно составляли уважаемые люди. Опорой тори в сельской местности был, например, англиканский священник, а помимо него – в большинстве случаев – школьный учитель и прежде всего крупный землевладелец данного графства; опорой вигам служили, как правило, такие люди, как нонконформистский проповедник (там, где такие были), почтмейстер, кузнец, портной, канатчик, то есть ремесленники, способные стать источником политического влияния, ведь с ними больше всего болтают обо всем. В городе партии разделились в соответствии с партийными воззрениями – частично экономического характера, частично религиозного, частично просто по семейной традиции. Но политическое предприятие всегда базировалось на уважаемых людях. Над ним «парили» парламент и партии совместно с кабинетом и лидером, который был председателем совета министров или главой оппозиции. У этого лидера всегда рядом находился самый важный профессиональный политик партийной организации, «загоняла» (whip[9]), в чьих руках и был патронаж над должностями. Таким образом, в погоне за ними следовало обращаться именно к нему, об этом он договаривался с депутатами от отдельных избирательных округов. Постепенно в избирательных округах начал формироваться слой профессиональных политиков, ибо тут осуществлялся набор местных агентов, первоначально неоплачиваемых и занимавших примерно то же положение, что и наши «доверенные лица». Но избирательным округам понадобилась также фигура капиталистического предпринимателя – election agent, – совершенно неизбежного в современном английском законодательстве, гарантирующем чистоту выборов. Это законодательство попыталось проконтролировать расходы по выборам и противодействовать власти денег, обязывая кандидатов сообщать, сколько стоили им выборы, ибо кандидат (в куда большей мере, чем это прежде случалось у нас), помимо перенапряжения голоса, имел еще удовольствие раскошелиться. Election agent позволял выплатить всю сумму ему, на чем он, как правило, прилично выгадывал. В расстановке сил между лидером и уважаемыми людьми партии в парламенте и по стране первый с давних пор занимал в Англии весьма солидное положение, на что имелась важная причина: его способность проводить большую политику, и к тому же политику постоянную. Однако и влияние парламентариев и уважаемых людей партии еще сохранялось.

Так примерно выглядела старая партийная организация – наполовину хозяйство уважаемых людей, наполовину уже предприятие служащих и предпринимателя. Но с 1868 г. сначала для местных выборов в Бирмингеме, а затем и по всей стране сформировалась система Saucis[10]. Создали ее один нонконформистский священник и Джозеф Чемберлен. Поводом для этого явилась демократизация избирательного права. Чтобы привлечь на свою сторону наибольшее число избирателей, завоевать массы, необходимо было создать чудовищный аппарат союзов, имевших демократический облик, образовать избирательный союз в каждом городском квартале, держать это предприятие в непрерывном движении, все жестко бюрократизировать: больше становится наемных оплачиваемых чиновников, главных посредников между партийным союзом и массами с правом кооптации как формальных проводников партийной политики, избираемых местными избирательными комитетами, которые в скором времени объединили в целом около 10% избирателей. Движущей силой оставались местные представители, заинтересованные прежде всего в коммунальной политике, всюду позволяющей отхватить для себя самый жирный кусок. Они же в первую очередь пополняли финансы. Эта заново формирующаяся машина, независимая уже от парламентского руководства, в самом скором времени должна была повести борьбу с прежними носителями власти, прежде всего с whip'ом, и, опираясь на заинтересованных лиц на местах, одержала в этой борьбе такого рода победу, что whip вынужден был приспособиться и объединиться с ней. В результате вся власть сконцентрировалась в руках немногих, в конечном счете – одного лица, стоявшего во главе партии. Ибо в либеральной партии указанная система возникла в связи с приходом Гладстона к власти. Именно ослепительный блеск Гладстоновой «большой» демагогии, непоколебимая вера масс в этическое содержание его политики и прежде всего в этический характер личности Гладстона привели эту машину к столь стремительной победе над уважаемыми людьми. В действие вступил цезаристски-плебисцитарный элемент политики: диктатор на поле избирательной битвы. Данное явление обнаружило себя очень скоро. В 1877 г. Saucis впервые действовал на государственных выборах. Результат был блестящий: крушение Дизраэли в самую пору его больших успехов. В 1886 г. машина была уже настолько харизматически ориентирована на личность, что, когда встал вопрос о Гомруле, весь аппарат, сверху

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org донизу, не спрашивал: стоим ли мы объективно на платформе Глад-стона? Аппарат просто совершал повороты по слову Гладстона, заявив: «Что бы он ни делал, мы ему подчинимся», – и изменил своему создателю, Чемберлену.

Этому механизму потребовался значительный аппарат сотрудников. Как-никак в Англии около 2000 человек живут непосредственно за счет политики партий. Правда, гораздо более многочисленны те, кто участвует в политике лишь в погоне за должностями или в качестве претендента [на выборах], особенно в рамках общинной политики. Наряду с экономическими возможностями у умелого политика, связанного с Caucus, имеются возможности удовлетворить свое тщеславие. Статья «J. P.» [11] или даже «M. P.» [12] – естественное стремление высшего (нормального) честолюбия, и таким людям, которые продемонстрировали хорошее воспитание, были «gentlemen», это выпадает на долю. Высшая награда, манящая в особенности крупных меценатов, – бюджет партии, пожалуй, на 50% состоял из взносов неизвестных дарителей, – достоинство пэра.

Каков же был эффект новой системы? Тот, что ныне английские парламентарии, за исключением нескольких членов кабинета (да каких-нибудь чудаков), суть не что иное, как отлично дисциплинированное голосующее стадо. У нас в Рейхстаге политики обычно, хотя бы разбираясь с частной корреспонденцией, лежащей у них на письменном столе, притворялись, что радуют о благе страны. Такого рода жесты в Англии не требуются; член парламента должен лишь голосовать и не совершать предательства партии; он должен появиться по требованию «зазывалы» и делать то, что ему прикажет в данный момент кабинет или лидер оппозиции. Caucus-машина, охватывающая всю страну, в особенности если в наличии есть сильный вождь, почти беспринципна и полностью в его руках. Итак, тем самым над парламентом возвышается фактически плебисцитарный диктатор, который посредством «машины» увлекает за собой массы и для которого парламентарии суть всего лишь политические пребэндари, составляющие его свиту.

Как же происходит отбор этих вождей? Прежде всего: в соответствии с какой способностью? Конечно, определяющей здесь (наряду с волей, имеющей решающее значение во всем мире) является власть демагогической речи. Ее характер изменился с тех времен, когда она, как, например, у Кобдена, обращалась к рассудку. Гладстон искусно придавал речи внешне прозаический вид: «Пускай говорят факты». В настоящее же время, чтобы привести массы в движение, работа куда в большей мере ведется чисто эмоционально, при помощи средств, применяемых и Армией спасения. Данное положение можно, пожалуй, назвать «диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс». Но весьма развитая система комитетской работы в английском парламенте открывает возможность и даже принуждает каждого политика, рассчитывающего на участие в руководстве, тоже работать в комитетах. У всех видных министров последних десятилетий за плечами реальная и действенная выучка такой работы, а практика отчетности таких совещаний и их общественной критики приводит к тому, что эта школа означает подлинный отбор [политиков] и исключает просто демагогов.

Так обстоит дело в Англии. Но английская Caucus-система представляла собой лишь ослабленную форму партийной организации, в сравнении с американской, особенно рано и особенно чисто выразившей плебисцитарный принцип. Америка Вашингтона должна была по идее представлять собой сообщество, управляемое «gentlemen'ами». А gentlemen'ом и там в то время являлся землевладелец или человек, получивший образование в колледже. Так все и шло на первых порах. Когда образовались партии, члены палаты представителей сначала претендовали быть руководителями, как и в Англии в эпоху господства уважаемых людей. Организация партий была совершенно рыхлой. Это продолжалось до 1824 г. Уже к началу двадцатых годов произошло становление партийной машины во многих американских общинах (которые и здесь оказались местом возникновения современной тенденции). Но только избрание президентом Эндрю Джэксона, кандидата крестьян Запада, подорвало старые традиции. Формальный предел руководству партиями со стороны ведущих парламентариев был положен уходом, вскоре после 1840 г., из политической жизни крупных парламентариев – Колхауна, Уэбстера, – ибо по всей стране парламент в сравнении с партийной машиной утерял почти всякую власть. Столь раннее развитие в Америке плебисцитарной «машины» объяснялось тем, что там, и только там, главой исполнительной власти и – в том-то и дело – шефом патронажа над должностями оказался плебисцитарно избранный президент и что вследствие «разделения властей» он при исполнении должности был почти независим от парламента. Итак, именно при президентских выборах победа обещала в качестве награды подлинную добычу-доходные должности. Так Эндрю Джэксон возвел в

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
систематически повсюду применяемый принцип «spoils system».

Что же означает ныне эта spoils system – наделение всеми федеральными должностями свиты победившего кандидата – для формирования партии? То, что противостоят друг другу совершенно беспринципные партии, сугубо карьеристские организации, которые для каждой предвыборной борьбы составляют свои меняющиеся программы всякий раз в зависимости от шансов заполучить голоса – программы столь изменчивые, что такого положения, несмотря на все аналогии, больше нигде нет. Партии полностью и исключительно сориентированы на важнейшую для патронажа над должностями предвыборную борьбу: борьбу за пост федерального президента и за посты губернаторов отдельных штатов. Программы и кандидаты определяются на «national conventions» [13] партий без вмешательства парламентариев – то есть партийными съездами, состав которых формально весьма демократично избран собраниями делегатов, обязанных, в свою очередь мандатом «primaries», первичным собраниям избирателей партии. Уже в ходе primaries выбираются делегаты для голосования за определенного кандидата в главы государства; внутри отдельных партий идет ожесточеннейшая борьба по вопросу о «nomination» [14]. Как-никак, в руках президента сосредоточено назначение от 300000 до 400000 чиновников, которое он осуществляет только с привлечением сенаторов от отдельных штатов. Таким образом, сенаторы – могущественные в Америке политики. Напротив, палата представителей политически относительно безвластна, ибо она лишена патронажа над должностями, а министры – только помощники президента, легитимированного народом помимо всех (в том числе и парламента), – могут выполнять свои обязанности независимо от доверия или недоверия [палаты представителей] (следствие «разделения властей»).

Основанная на этом spoils system стала технически возможна в Америке, ибо при молодости американской культуры можно было вынести сугубо дилетантское хозяйство. Ведь от 300 000 до 400 000 таких сторонников партии, которые не имели нужды ничем иным подтверждать свою квалификацию, кроме как тем, что они хорошо послужили партии, – эта ситуация не могла существовать без чудовищных не порядков: не имеющих себе равных коррупции и расточительства, которые вынесла только страна с еще неограниченными экономическими возможностями.

Итак, фигурой, всплывающей на поверхность вместе с этой системой плебисцитарной партийной машины, является «босс». Что такое босс? Политический капиталистический предприниматель, который на свой страх и риск обеспечивает голоса кандидату в президенты. Свои первые связи он может установить или в качестве адвоката, или как трактирщик или владелец подобных предприятий, или, например, как кредитор. Отсюда он продолжает плести свои нити, пока не окажется в состоянии «контролировать» определенное количество голосов. Добившись этого, он вступает в контакт с соседними боссами, привлекая своим усердием и ловкостью, но прежде всего – скромностью – внимание тех, кто уже добился большего в карьере, и совершает восхождение. Босс необходим для организации партии. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее средствами. Как он на них выходит? Частично через членские взносы, но прежде всего через обложение налогом окладов тех чиновников, которые получили должность благодаря ему и его партии. Далее: через взятки и чаевые. Если кто-то захочет безнаказанно нарушить один из многочисленных законов, ему понадобится снисходительность босса, а за нее надо платить. Иначе у него неизбежно возникнут неприятности. Однако одно это еще не обеспечивает требуемого для предприятия капитала. Босс необходим как непосредственный получатель денег от крупных финансовых магнатов. Они бы вообще не доверили деньги для избирательных целей какому-нибудь оплачиваемому партийному чиновнику или общественно-подотчетному человеку. Босс с его разумной скромностью в денежных делах является, конечно, человеком тех капиталистических кругов, которые финансируют выборы. Типичный босс – абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; «профессионал» презираем в «приличном обществе». Он ищет только власти, власти как источника денег, но также и ради нее самой. Он трудится в тени – в противоположность английскому лидеру. Его публичную речь не услышишь; ораторам босс внушает, что они целесообразным способом должны высказаться, но сам молчит. Как правило, он не занимает постов, за исключением поста сенатора в федеральном сенате. Ибо поскольку сенаторы, согласно конституции, участвуют в патронаже над должностями, руководящие боссы часто лично заседают в этом органе. Раздача должностей происходит в первую очередь в соответствии с заслугами перед партией. Однако за деньги часто

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org можно было получить больше, и для каждой должности существовала определенная такса: это система продажи должностей, известная, конечно, многим монархиям XVII и XVIII вв., включая Папскую область.

Босс не имеет твердых политических «принципов», он совершенно беспринципен и интересуется лишь одним: что обеспечит ему голоса? Нередко это весьма дурно воспитанный человек. Но в своей частной жизни он обычно безупречен и корректен. Лишь в том, что касается политической этики, он естественным образом приспособляется к среднему уровню наличествующей этики политического действия, поступая так, как и многим из нас не возбранялось бы повести себя в сфере этики экономической в эпоху спекулянтов и мешочников. Босса отнюдь не тревожит, что в качестве «профессионала», профессионального политика, его презирают в обществе. То обстоятельство, что сам он не получает и не намеревается заполучить крупные федеральные посты, имеет к тому же следующее преимущество: нередко, если боссам кажется, что от этого притягательность партии во время выборов повысится, в кандидаты попадают чуждые партии умы, то есть выдающиеся личности, а не только все тот же нобилитет партийных старейшин, как у нас. Именно структура таких беспринципных партий с их презираемыми в обществе власть имущими дала возможность стать президентами дельным людям, которые бы у нас никогда не сделали подобной карьеры. Конечно, боссы противятся «аутсайдеру», который мог бы представлять опасность для источников их денег и власти. Однако в конкурентной борьбе за доверие избирателей им нередко приходилось соглашаться с выдвижением таких кандидатов, которые считались борцами с коррупцией.

Итак, речь идет о могущественном капиталистическом, насквозь заорганизованном сверху донизу партийном предприятии, опирающемся также на чрезвычайно крепкие, организованные подобно ордену клубы типа «Таммани-холл», целью которых является исключительно достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации. Такая структура партийной жизни была возможна вследствие высокого уровня демократии в Соединенных Штатах, как своего рода «целине». Теперь эта взаимосвязь ведет к тому, что данная система находится в состоянии постепенного отмирания. Америкой больше не могут управлять только дилетанты. Еще 15 лет назад (в 1904 г. – Прим. перев.) на вопрос: почему американские рабочие позволяют так управлять собою политикам, о презрении к которым они сами же и заявляют, – следовал ответ: «Пусть лучше чиновниками будут люди, на которых мы плюем, чем как у вас, каста чиновников, которая плюет на нас». Это старая позиция американской «демократии»: социалисты уже тогда думали совершенно иначе. Но такое состояние стало невыносимым. Дилетантское управление оказалось недостаточным, и Civil Service Reform[15] все больше увеличивала количество пожизненных мест, дающих право на получение пенсии, приводя таким образом к тому, что посты начали занимать университетски образованные чиновники, столь же неподкупные и знающие свое дело, как и наши. Около 100000 постов теперь уже не являются «трофеями» избирательного цикла, но дают право на пенсию и требуют свидетельства о квалификации. Это обстоятельство постепенно вытеснит spoils system, а тогда, пожалуй, преобразуется и способ руководства партиями; мы только еще не знаем – как.

В Германии до сих пор решающими условиями политического предприятия являлись, в основном, следующие. Во-первых: бессилие парламентов, в результате чего никто из обладавших качествами вождя в течение длительного времени не мог сюда попасть. Допустим, он захотел бы стать членом парламента – что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти – если у него таковые имелись. Следует также учесть – и этот второй момент обуславливал первый – огромное значение в Германии вышколенного профессионального чиновничества. Здесь мы были первыми в мире. Поэтому профессиональное чиновничество претендовало не только на места чиновников-специалистов, но и на министерские посты. Соответствующая формула была найдена в прошлом году в баварском ландтаге, когда предметом дискуссии стала парламентаризация: одаренные люди больше не согласятся быть чиновниками, если парламентариев станут выдвигать на министерские посты. Кроме того, чиновничье управление в Германии систематически уклонялось от такого рода контроля, каким являются в Англии разъяснения комитета, и таким образом лишало парламенты способности (за

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org (немногими исключениями) растить в своей среде действительно толковых начальников управлений.

Третьим отличительным моментом было то, что, в противоположность Америке, мы в Германии имели принципиальные партии, которые по меньшей мере с субъективной *bona fides* [16] утверждали, что их члены являются носителями «мировоззрения». Однако из этих партий две важнейшие: с одной стороны, партия центра, с другой стороны, социал-демократия – были прирожденными партиями меньшинства, и именно умышленно. Руководящие круги партии центра в Рейхе никогда не скрывали, что они против парламентаризма из-за боязни оказаться в меньшинстве, так как тогда им было трудно по-прежнему, через давление на правительство, устраивать карьеристов. Социал-демократия оставалась принципиальной партией меньшинства и помехой парламентаризации, ибо не хотела маршиться о существующий буржуазный политико-гражданский порядок. То обстоятельство, что обе эти партии исключили себя из парламентарной системы, сделало последнюю невозможной.

Чем же в таком случае стали заниматься немецкие профессиональные политики? У них не было ни власти, ни ответственности, они могли играть лишь весьма подчиненную роль уважаемых людей и в результате снова оказались во власти самых типичных цеховых инстинктов. В кругу этих уважаемых людей, вся жизнь которых заключалась в их крошечных постах, невозможно было выдвинуться чужеродному человеку. Я мог бы в любой партии, не исключая, конечно, и социал-демократию, назвать множество имен, каждое из которых символизирует трагедию политической карьеры человека, имевшего качества вождя и вследствие этого непереносимого уважаемыми людьми. Все наши партии прошли путь превращения в корпорацию уважаемых людей. Например, Бебель, как бы ни был скуден его интеллект, являлся еще вождем по своему темпераменту и искренности. Вследствие того что Бебель был мучеником, что никогда (по мнению масс) не обманывал их доверия, он всецело полагался на них, и не было в партии силы, способной всерьез выступить против него. С его смертью ситуация в партии изменилась: началось господство чиновников, и все чаще давали о себе знать чиновничьи инстинкты. К власти пришли профсоюзные чиновники, партийные секретари, журналисты, чиновничество в высшей степени порядочное (можно сказать, на редкость порядочное, имея в виду положение в других странах, особенно продажных, как правило, чиновников в Америке), – однако и рассмотренные выше последствия господства чиновников все чаще имели место в партии.

Начиная с восьмидесятых годов, буржуазные партии полностью превратились в корпорации уважаемых людей. Правда, время от времени они должны были в рекламных целях привлекать умы, стоящие вне партий, чтобы потом иметь возможность сказать: «В наших рядах есть такие-то и такие-то имена». Но именно их-то они и старались по возможности не допустить к участию в выборах, и не получалось это лишь там, где указанные лица действовали жестко.

Тот же дух господствовал и в парламенте. Наши парламентские партии были и остаются корпорациями. Каждая речь, произносимая на заседании Рейхстага, предварительно целиком подвергалась партийному рецензированию. Это можно заметить по ее неслыханной скуке. Получить слово мог лишь тот, кто был заявлен в качестве оратора. Вряд ли можно придумать более глубокую противоположность английским, а также (по совершенно противоположным причинам) французским парламентским традициям.

Вследствие катастрофы, которую обыкновенно именуют революцией, сейчас, может быть, совершается некое преобразование. Но «может быть» не значит «определенно». Прежде всего, появились ростки новых типов партийного аппарата. Во-первых, аппарат любителей-дилетантов. Особенно часто он представлен студентами различных высших школ, которые говорят какому-нибудь человеку, вменяя ему качества вождя: мы хотим выполнять нужную для вас работу, изложите, что мы должны делать. Во-вторых, аппарат деловых людей. Случалось так, что люди приходили к какому-нибудь человеку, в котором они усматривали качества вождя, и предлагали ему взять на себя вербовку избирателей в обмен на твердую сумму за каждый голос. Если бы вы попросили меня честно ответить, какой из этих двух аппаратов я бы посчитал более надежным с сугубо технически-политической точки зрения, то я, видимо, предпочел бы второй его вариант. Однако и тот, и другой были всего лишь быстро всплывающими пузырями, которые тут же снова исчезали. Существующий аппарат произвел перегруппировку, продолжая работать. Все эти явления были всего лишь симптомами того, что новые виды партийного аппарата, быть может,

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org и возникли, если бы только в наличии имелись вожди. Однако их выдвижение исключалось уже техническим своеобразием системы пропорционального избирательного права. Появлялся – и тут же снова исчезал – только один-другой уличный диктатор. И только свита уличной диктатуры организована прочной дисциплиной – отсюда и власть этих исчезающих меньшинств.

Предположим, дело приняло бы иной оборот. Тогда, в соответствии со сказанным выше, следует подчеркнуть: руководство партиями со стороны плебисцитарных вождей обуславливает «обездушивание» свиты, ее, можно было бы сказать, духовную пролетаризацию. Чтобы подойти вождю в качестве аппарата, свита должна слепо повиноваться, быть машиной по-американски, без помех, вызываемых тщеславием уважаемых людей, или претензий, как следствий собственных взглядов. Избрание Линкольна стало возможным лишь благодаря такой специфике партийной организации, а в случае с Гладстоном, как уже говорилось, то же самое произошло в Sauc'is'e. Вот та цена, которую приходится платить за руководство вождем. Но выбирать можно только между вождистской демократией с «машиной» и демократией, лишенной вождей, то есть господством «профессиональных политиков» без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством «клики». Пока что мы в Германии только это последнее и имеем. А благоприятной предпосылкой продолжения того же и в будущем, по меньшей мере в Рейхе, является, во-первых, то, что Бундесрат, видимо, возродится и с необходимостью начнет ограничивать власть Рейхстага, а тем самым и его значение как места отбора вождей. Далее: пропорциональное избирательное право в его нынешней форме – типичное явление для демократии, лишенной вождей, не только потому что оно способствует закулисным местническим сделкам уважаемых людей, но и потому, что впоследствии дает союзам претендентов возможность настоять на занесении своих чиновников в списки и таким образом создать непарламентский парламент, в котором нет места подлинным вождям. Единственной отдушиной для потребности в вожде мог бы стать рейхс-президент, если избирать его будет не парламент, а плебисцит. Проверка на деле могла бы стать основой для возникновения и отбора вождей, прежде всего если бы в крупных общинах, как, например, в Соединенных Штатах, везде, где хотели серьезно взяться за коррупцию, на поверхность всплывал плебисцитарный городской диктатор с правом самостоятельно подбирать себе бюро. Это обусловило бы приспособление партийной организации к такого рода выборам. Но из-за сугубо мелкобуржуазной враждебности к вождям со стороны всех партий, включая прежде всего социал-демократию, будущие способы формирования партий, а тем самым и все эти возможности еще покрыты мраком неизвестности.

И потому сегодня совершенно неясно, какую внешнюю форму примет предприятие политики как «профессии», а потому – еще менее известно, где открываются шансы для политически одаренных людей заняться решением удовлетворительной для них политической задачи. У того, кого имущественное положение вынуждает жить «за счет» политики, всегда, пожалуй, будет такая альтернатива: журналистика или пост партийного чиновника как типичные прямые пути; или же альтернатива, связанная с представительством интересов: в профсоюзе, торговой палате, сельскохозяйственной палате, ремесленной палате, палате по вопросам труда, союзах работодателей и т. д., или же подходящие посты в коммунальном управлении. Ничего больше о внешней стороне данного предмета сказать нельзя, кроме того лишь, что партийный чиновник, как и журналист, имеет скверную репутацию «деклассированного». Увы, если прямо этого им и не скажут, все равно у них будет гудеть в ушах: «продажный писатель», «наемный оратор»; тот, кто внутренне безоружен против такого к себе отношения и неспособен самому себе дать правильный ответ, тот пусть лучше подальше держится от подобной карьеры, ибо, во всяком случае, этот путь, наряду с тяжкими искушениями, может принести постоянные разочарования.

Так какие же внутренние радости может предложить карьера «политика» и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь?

Прежде всего, она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь – чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, – способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь перед ним встает вопрос: какие его качества дают ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов; ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было возложить руку на спицы колеса истории.

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть – в смысле ориентации на существо дела (Sachlichkeit): страстной самоотдачи «делу», тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Георг Зиммель обычно называл «стерильной возбужденностью», свойственной определенному типу прежде всего русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них!), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем «революции»: утекающая в пустоту «романтика интеллектуально занимательного» без всякого делового чувства ответственности, ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. «Отсутствие дистанции», только как таковое, – один из смертных грехов всякого политика, – и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер? Политика «делается» головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, но подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отличающее страстного политика и разводящее его со «стерильно возбужденным» политическим дилетантом, возможно лишь благодаря привычке к дистанции – в любом смысле слова. «Сила» политической «личности» в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе.

Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах – это род профессионального заболевания. Но как раз что касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научному предпринятию. Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к власти как необходимому средству. Поэтому «инстинкт власти», как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым (unsachlich), предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно «делу». Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела (Unsachlichkeit) и – что часто, но не всегда то же самое – безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше вынужден демагог считаться с «эффектом», тем больше для него именно поэтому опасность стать фигляром или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным «впечатлением». Его неделовитость навязывает ему стремление к блестящей видимости власти, а не к действительной власти, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Ибо хотя или, точнее, именно потому, что власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. «Политик одной только власти», культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность. И здесь критики «политики власти» совершенно правы. Внезапные внутренние катастрофы типичных носителей подобного убеждения показали нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org совершенно пустым жестом. Это – продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, каковое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, и в особенности – деяния политические.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет – пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл – служение делу – отсутствовал. Как должно выглядеть то дело, служа которому, политик стремится к власти и употребляет власть, – это вопрос веры. Он может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, внутримирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в «прогресс» – все равно в каком смысле – или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение «идее» или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, – но какая-либо вера должна быть в наличии всегда. Иначе – и это совершенно правильно – проклятие ничтожества твари тяготеет и над самими, по видимости мощными, политическими успехами.

Сказанное означает, что мы уже перешли к обсуждению последней из занимающих нас сегодня проблем: проблемы этоса политики как «дела». Какому профессиональному призванию может удовлетворить она сама, совершенно независимо от ее целей, в рамках совокупной нравственной экономики ведения жизни? Каково, так сказать, то этическое место, откуда она родом? Здесь, конечно, сталкиваются друг с другом последние мировоззрения, между которыми следует в конечном счете совершить выбор. Итак, давайте энергично возьмемся за проблему, поднятую недавно опять, по моему мнению, совершенно превратным образом.

Однако избавимся прежде от одной совершенно тривиальной фальсификации. А именно, этика может сначала выступать в роли в высшей степени фатальной для нравственности. Приведем примеры. Редко можно обнаружить, чтобы мужчина, отверщая свою любовь от одной женщины и обращая ее на другую, не чувствовал бы потребности оправдаться перед самим собой, говоря: «она была недостойна моей любви», или: «она меня разочаровала», либо же приводя какие бы то ни было другие «основания». Неблагодетель присочиняет себе «законное оправдание» («Legitimität») для простой ситуации: он больше не любит ее, и женщина должна это вынести; это «законное оправдание», в силу которого мужчина притязает на некое право и, помимо несчастья, жаждет свалить на женщину еще и неправоту, с глубоким неблагодетельством присочиняется. Точно так же действует и удачливый эротический конкурент: противник должен быть никчемнейшим, иначе бы он не был побежден. Но очевидно, что и после любой победоносной для кого-то войны дело обстоит таким же образом, когда победитель с недостойным упрямством высказывает претензию: я победил, ибо я был прав. Или если кого-то среди ужасов войны постигает душевный крах, и он, вместо того чтобы просто сказать, что всего этого было уж слишком много, чувствует ныне потребность оправдаться перед самим собой свою усталость от войны и совершает подмену: я потому не мог этого вынести, что вынужден был сражаться за безнравственное дело. И так же обстоит дело с побежденными в войне. Вместо того чтобы – там, где сама структура общества породила войну, – как старые бабы, искать после войны «виновного», следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: «Мы проиграли войну – вы ее выиграли. С этим теперь все решено: давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми деловыми интересами, которые были задействованы, и – самое главное – ввиду той ответственности перед будущим, которая тяготеет прежде всего над победителем». Все остальное недостойно, и за это придется заплатить. Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповским упрямством. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в нравственном смысле. Такое возможно лишь благодаря ориентации на дело и благородству, но прежде всего лишь благодаря достоинству. Но никогда это не будет возможно благодаря «этике», которая в действительности означает унижительное состояние обеих сторон. Вместо того чтобы заботиться о том, что касается политика: о будущем и ответственности перед ним, этика занимается политически стерильными – в силу своей неразрешимости – вопросами вины в

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org прошлом. Если и есть какая-либо политическая вина, то она именно в этом-то и состоит. Кроме того, в данном случае упускается из виду неизбежная фальсификация всей проблемы весьма материальными интересами: заинтересованностью победителя в наибольшем выигрыше – моральном и материальном – и надеждами побежденного выторговать себе преимущества признаниями вины: если и есть здесь нечто «подлое», то именно это, а это – следствие данного способа использования «этики» как средства упрямо утверждать свою правоту.

Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что «одна и та же» этика имеет силу и для политического действия, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и «Спартак», именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима? Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов? Благородными намерениями! – следует ответить. Хорошо. Но ведь речь здесь идет именно о средстве, а на благородство конечных намерений совершенно так же притязают с полной субъективной честностью и уязвляемые враждой противники. «Кто взялся за меч, от меча и погибнет», а борьба есть везде борьба. Итак: этика Нагорной проповеди? Что касается Нагорной проповеди – имеется в виду абсолютная этика Евангелия, – то дело обстоит более серьезно, чем полагают те, кто сегодня охотно цитирует данные заповеди. С этим не шутят. К абсолютной этике относится все то же, что было сказано о каузальности в науке: это не фиакр, который можно остановить в любой момент, чтобы войти и выходить по своему усмотрению. Но все или ничего: именно таков ее смысл, если считать, что нечто другое окажется тривиальностью. И вот, например, богатый юноша: «Он же отошел с печалью, потому что у него было большое имение». Евангельская заповедь безусловна и однозначна: отдай то, что ты имеешь, – все, совершенно все. Политик скажет: это социально бессмысленное требование, пока оно не осуществляется для всех. Итак: налогообложение, разорение налогами (*wegsteue-rung*), конфискация – одним словом: насилие и порядок против всех. Но этическая заповедь об этом вообще не спрашивает, такова ее сущность. Или: «Подставь другую щеку!» – безусловная заповедь не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить. Этика отсутствия достоинства – разве только для святого. Так и есть: следует быть святым во всем, хотя бы по намерениям, следует жить, как Иисус, апостолы, святой Франциск и ему подобные, тогда данная этика имеет смысл, тогда она является выражением некоего достоинства. В противном случае – нет. Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: «Не противостоять злу насилием», – то для политика имеет силу прямо противоположное: ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты. Пусть тот, кто хочет действовать в соответствии с этикой Евангелия, воздержится от забастовок – ибо это насилие – и вступает в желтые профсоюзы. И пусть он, прежде всего, не говорит о «революции». Ибо данная этика отнюдь не намерена учить тому, что именно гражданская война есть единственно законная (*legitiime*) война. Пацифист, действующий в соответствии с Евангелием, отвергнет или отринет оружие (как это рекомендовалось в Германии) по велению этического долга: чтобы положить конец данной войне и тем самым всякой войне. Политик же скажет: единственно надежным средством дискредитировать войну на весь обозримый период был бы мир на основании статус-кво. Тогда бы народы спросили себя: для чего велась эта война? Она была бы доведена *ad absurdum* – что ныне невозможно. Ибо для победителей – по меньшей мере части их – она будет политически выгодна. И за это несет ответственность то поведение, которое сделало для нас невозможным любое сопротивление. Теперь же, когда пройдет эпоха истощения, дискредитированным окажется мир, а не война – вот следствие абсолютной этики.

Наконец, долг правдивости. Для абсолютной этики он безусловен. Итак, отсюда

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org следует вывод о необходимости публиковать все документы, прежде всего изобличающие собственную страну, а на основе этой односторонней публикации признавать вину в одностороннем порядке, безусловно, без оглядки на последствия. Политик же обнаружит в данном случае, что в результате истина не раскрывается, но надежно затемняется злоупотреблением и разжиганием страстей: что плоды могло бы принести только всестороннее планомерное исследование проблемы незаинтересованными сторонами; любой другой подход мог бы иметь для нации, которая его использует, последствия, непоправимые в течение десятилетий. Но абсолютная этика именно о «последствиях-то» и не спрашивает.

В этом все и дело. Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности – тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения –: на языке религии: «Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога», или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий. Как бы убедительно ни доказывали вы действующему по этике убеждения синдикалисту, что вследствие его поступков возрастут шансы на успех реакции, усилится угнетение его класса, замедлится дальнейшее восхождение этого класса, на него это не произведет никакого впечатления. Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, – он, как верно подметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельности. Исповедующий этику убеждения чувствует себя «ответственным» лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова – вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример.

Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия. Главное средство политики – насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения – об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты (цим-мервальдской ориентации) уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: «Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но никакой революции, то мы выберем еще несколько лет войны!» Если бы еще был задан вопрос: «Что может дать эта революция?», то всякий поднаторевший в науке социалист ответил бы, что о переходе к хозяйству, которое в его смысле можно назвать социалистическим, не идет и речи, но что должно опять-таки возникнуть буржуазное хозяйство, которое бы могло только исключить феодальные элементы и остатки династического правления. Значит, ради этого скромного результата: «Еще несколько лет войны!» Пожалуй, позволительно будет сказать, что здесь даже при весьма прочных социалистических убеждениях можно отказаться от цели, которая требует такого рода средств. Но в случае с большевизмом и спартакизмом, вообще революционным социализмом любого рода дела обстоят именно так, и, конечно, в высшей степени забавным кажется, что эта сторона нравственно отвергает «деспотических политиков» старого режима из-за использования ими тех же самых средств, как бы ни был оправдан отказ от их целей.

Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность отвергать всякое поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент «любовь против насилия», в следующее мгновение призывают к насилию – к последнему насилию, которое привело бы к уничтожению всякого насилия, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление – последнее, оно приведет к победе, и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космо-этически-этическим «рационалистом». Конечно, каждый из вас, кто знает Достоевского, помнит сцену с Великим инквизитором, где эта проблема изложена верно. Невозможно напялить один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, какая цель должна освящать какое средство, если этому принципу вообще делаются какие-то уступки.

Коллега Ф. В. Фёрстер, которого лично я высоко ценю за несомненную чистоту его убеждений, но как политика, конечно, безусловно отвергаю, думает, что в своей книге он обошел эту трудность благодаря простому тезису: из добра может следовать только добро, из зла – лишь зло. В таком случае вся эта проблематика просто не существовала бы. Но все-таки удивительно, что через 2500 лет после «Упанишад» такой тезис все еще смог появиться на свет. Не только весь ход мировой истории, но и любое откровенное исследование обыденного опыта говорит о прямо противоположном. Древней проблемой теодицеи как раз и является вопрос: почему же это сила, изображаемая одновременно как всемогущая и благая, смогла создать такой иррациональный мир незаслуженного страдания, безнаказанной несправедливости и неисправимой глупости? Либо она не есть одно, либо же она не есть другое; или жизнью правят совершенно иные принципы возмещения и воздаяния, такие, которые можем толковать метафизически, или же такие, которые навсегда будут недоступны нашему толкованию. Проблема опыта иррациональности мира и была движущей силой всякого религиозного развития. Индийское учение о карме и персидский дуализм, первородный грех, предопределение и *Deus absconditus*[17] – все они выросли из этого опыта. И первые христиане весьма точно знали, что миром управляют демоны и что тот, кто связывается с политикой, то есть с властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами, и что по отношению к его действию не то истинно, что из доброго может следовать только доброе, а из злого лишь злое, но зачастую наоборот. Кто не видит этого, тот в политическом отношении действительно ребенок.

Религиозная этика по-разному примирялась с тем фактом, что мы вписаны в различные, подлежащие различным между собой законам жизненные структуры (*Lebensordnungen*). Эллинский политеизм приносил жертвы Афродите и Гере, Дионису и Аполлону, но знал при этом, что нередко боги были в споре между собой. Индуистская жизненная структура каждую из профессий делала предметом особого этического закона, дхар-мы, и навсегда разделяла их друг от друга по кастам, устанавливая их жесткую иерархию, вырваться из которой человек не мог с момента своего рождения, разве что возрождаясь в следующей жизни, а тем самым устанавливала для них разную дистанцию по отношению к высшим благам религиозного спасения. Таким образом ей удалось выстроить дхарму каждой касты, от аскетов и брахманов до мошенников и девок в соответствии с имманентными закономерностями профессии. Сюда подпадают также война и политика. В «Бхагаватгите», в беседе Кришны и Арджуны, вы обнаружите включение войны в совокупность жизненных структур. «Делай необходимое» – вот, согласно дхарме касты воинов и ее правилам, должный, существенно необходимый в соответствии с целью войны «труд»: согласно этой вере, он не наносит ущерба религиозному спасению, но служит ему. Индийскому воину, погибающему героической смертью, небеса Индры представлялись с давних пор столь же гарантированными, как и Валгалла германцу. Но нирвану он презирал бы так же, как презирал бы германец христианский рай с его ангельскими хорами. Такая специализация этики сделала возможным для индийской этики ничем не нарушаемое, следующее лишь собственным законам политики и даже усиливающее их обращение с этим царским искусством. Действительно радикальный «макиавеллизм» в популярном смысле этого слова классически представлен в индийской литературе «Артхашастрой» Каутальч (задолго до Рождества Христова, будто бы из эпохи Чандрагупты), по сравнению с ней «Principre» Макиавелли бесхитростен. В католической этике, которой обыкновенно следует профессор Фёрстер, «*consilia evangelica*»[18], как известно, является особой этикой для тех, кто наделен харизмой святой жизни. В ней рядоположены монах, не имеющий дозволения проливать кровь и искать выгоды, и благочестивый рыцарь и бюргер, которым дозволено – одному то, другому это. Градация католической этики и ее включение в структуру учения о спасении менее последовательны, чем в Индии, хотя и тут они должны

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org были и имели право соответствовать христианским предпосылкам веры. Первородная испорченность мира грехом позволяла относительно легко включить в этику насилие как средство дисциплинирования против греха и угрожающих душам еретиков. Но ориентированные только на этику убеждения, акосмические требования Нагорной проповеди и покоящееся на этом религиозное естественное право как абсолютное требование сохраняли свою революционизирующую силу и почти во все эпохи социальных потрясений выходили со своей стихийной яростью на передний план. В частности, они вели к созданию радикально-пацифистских сект, одна из которых проделала в Пенсильвании эксперимент по образованию ненасильственного во внешних отношениях государственного устройства – эксперимент трагический, поскольку квакеры, когда разразилась война за независимость, не смогли выступить с оружием в руках за свои идеалы. Напротив, нормальный протестантизм абсолютно легитимировал государство, то есть средство насилия, как божественное учреждение, а в особенности – легитимное авторитарно-монархическое государство (Obrigkeitsstaat). Лютер освободил отдельного человека от этической ответственности за войну и переложил ее на авторитеты (Obrigkeit), повиновение которым, кроме как в делах веры, никогда не могло считаться грехом. Опять-таки кальвинизму в принципе было известно насилие как средство защиты веры, то есть война за веру, которая в исламе с самого начала являлась элементом жизни. Таким образом, проблему политической этики ставит отнюдь не современное, рожденное ренессансным культом героев неверие. Все религии бились над этой проблемой с самым различным успехом, и по тому, что было сказано, иначе и быть не могло. Именно специфическое средство легитимного насилия исключительно как таковое в руках человеческих союзов и обуславливает особенность всех этических проблем политики.

Кто бы, ради каких бы целей ни блокировался с указанным средством – а делает это каждый политик, – тот подвержен и его специфическим следствиям. В особенно сильной мере подвержен им борец за веру, как религиозный, так и революционный. Давайте непредвзято обратимся к примеру современности. Тот, кто хочет силой установить на земле абсолютную справедливость, тому для этого нужна свита: человеческий «аппарат». Ему он должен обещать необходимое (внутреннее и внешнее) вознаграждение – мзду небесную или земную – иначе «аппарат» не работает. И так, в условиях современной классовой борьбы внутренним вознаграждением является утоление ненависти и жажды мести, прежде всего: Ressentiment и потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников. Внешнее вознаграждение – это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места. Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от его – а не своих собственных – мотивов, то есть от того, чтобы свите: красной гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, эти вознаграждения доставлялись постоянно. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предначертано ему теми преимущественно низкими мотивами действия его свиты, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и его дело воодушевляет по меньшей мере часть товарищества (так, чтобы воодушевлялось хотя бы большинство, не бывает, видимо, никогда). Но не только эта вера, даже там, где она субъективно честна, в весьма значительной части случаев является по существу этической «легитимацией» жажды мести, власти, добычи и выгодных мест – пусть нам тут ничего не наговаривают, ибо ведь и материалистическое истолкование истории – не фиакр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции оно не останавливается! – но прежде всего: традиционалистская повседневность наступает после эмоциональной революции, герой веры и прежде всего сама вера исчезают или становятся – что еще эффективнее – составной частью конвенциональной фразы политических обывателей и технических исполнителей. Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные вожди – пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах «дисциплины». Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается обычно в совершенно заурадный слой обладателей теплых мест.

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не «работали» с политическим средством–насилием; их царство было «не от мира сего», и все–таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи – такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, – напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Люди знали это уже во времена господства церкви. Вновь и вновь налагался на Флоренцию интердикт – а тогда для людей и спасения их душ это было властью куда более грубой, чем (говоря словами Фихте) «холодное одобрение» кантианского этического суждения, – но граждане сражались против государства церкви. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души.

Если вы вместо отчего города или «отчего края» (Vaterland), что как раз сейчас не для каждого может быть однозначной ценностью, станете говорить о «будущем социализма» или даже «международном умиротворении», то вы подошли к проблеме в ее нынешнем состоянии. Ибо все это, достигнутое политическим дей–ствованием, которое использует насильственные средства и работает в русле этики ответственности, угрожает «спасению души». Но если в борьбе за веру к политическому действию будут стремиться при помощи чистой этики убеждения, тогда ему может быть нанесен ущерб и оно окажется дискредитированным на много поколений вперед, так как здесь нет ответственности за последствия. Ибо тогда действующий не осознает тех дьявольских сил, которые вступили в игру. Они неумолимы и создают для его действия, а также для его собственной внутренней жизни такие следствия, перед которыми он оказывается совершенно беспомощным, если он их не видит. «Ведь черт–то стар», и не годы, не возраст имеются тут в виду: «так станьте стары, чтоб его понять». никогда и я не смирялся с тем, чтобы в дискуссии меня побеждали датой в свидетельстве о рождении; но тот простой факт, что кому–то 20 лет, а мне за 50, в конечном счете не может побудить меня и это считать достижением, перед которым я в почтении немею. Дело не в возрасте, но, конечно, в вышколенной решительности взгляда на реальности жизни и в способности вынести их и внутренне оставаться на должной высоте.

В самом деле: политика делается, правда, головой, но, само собой разумеется, не только головой. Тут совершенно правы исповедующие этику убеждения. Но должно ли действовать как исповедующий этику убеждения или как исповедующий этику ответственности, и когда так, а когда по–другому, – этого никому нельзя предписать. Можно сказать лишь одно: если ныне, в эпоху некоей, как вы думаете, не «стерильной» возбужденности – но возбужденность–то все–таки чувство вообще не всегда подлинное, – внезапно наблюдается массовый рост политиков убеждения с лозунгом: «Мир глуп и подл, но не я; ответственность за последствия касается не меня, но других, которым я служу и чью глупость или подлость я выкорчую», то скажу открыто, что я сначала спрошу о мере внутренней полновесности, стоящей за данной этикой убеждения; у меня создалось впечатление, что в девяти случаях из десяти я имею дело с вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями. В человеческом смысле меня это не очень интересует и не вызывает никакого потрясения. В то время как безмерным потря.сением является, когда зрелый человек – все равно, стар он или юн годами, – – который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует сообразно этике ответственности, в какой–то момент говорит: «Я не могу иначе, на том стою». Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние, для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда–то иметь возможность наступить. И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь «призвание к политике».

А теперь, уважаемые слушатели, давайте поговорим об этом моменте еще раз через десять лет. Если тогда, как мне по целому ряду причин приходится опасаться, уже немало лет будет господствовать эпоха наступившей реакции, и из того, чего желают и на что надеются, конечно, многие из вас и, должен откровенно признаться, я тоже, сбудется некоторое (может быть, и не совсем

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org уж ничто не сбудется, но как минимум, по видимости, немногое – что весьма вероятно; меня это не сломит, но, конечно, знать об этом. – душевное бремя), – вот тогда я бы посмотрел, что в глубинном смысле слова «стало» из тех вас, кто чувствует себя теперь подлинным «политиком убеждения» и охвачен тем угаром, который символизирует эта революция. Было бы прекрасно, если бы дела обстояли так, чтобы к ним подходили слова 102-го сонета Шекспира:

Тебя встречал я песней, как приветом,

Когда любовь нова была для нас.

Так соловей гремит в полночный час

Весной, но флейту забывает летом.

(Перевод С. Я. Маршака)

Но дело обстоит не так. Не цветение лета предстоит нам, но сначала полярная ночь ледяной мглы и суровости, какая бы по внешней видимости группа ни победила. Ибо там, где ничего нет, там право свое утерять не только кайзер, но и пролетарий. Когда понемногу начнет отступать эта ночь, кто еще будет жив тогда из тех, чья весна, по видимости, расцвела сейчас так пышно? И что тогда внутренне «станет» из всех вас? Озлобление или обывательщина, просто тупое смирение с миром и профессией, или третий, и не самый редкий вариант: мистическое бегство от мира у тех, кто имеет для этого дар, или – часто и скверно – вымучивает из себя мистицизм как моду? В любом из этих случаев я сделаю вывод: они не поднялись до уровня своих собственных поступков, не поднялись и до уровня мира, каким он в действительности есть, и его повседневности; призывания к профессии «политика», которое, как они думали, они в себе имеют, объективно и фактически в глубиннейшем смысле у них не было. Лучше бы они просто практиковали братство в межчеловеческом общении, а в остальном сугубо по-деловому обратились бы к своему повседневному труду.

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Мысль, в общем-то, правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть – в самом простом смысле слова – героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!», – лишь тот имеет «профессиональное призвание» к политике.

Примечания

1

Подробнее о понятии «*veruf*» см. примечание на с. 715 наст. изд. – Прим. ред.

2

Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии (англ.). – Прим. перев.

3

Самоуправления (англ.). – Прим. перев.

4

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org
Современное применение (лат.). – Прим. перев.

5

Дворянство мантии (франц.). – Прим. перев.

6

Устав гвельфской партии (итал.). – Прим. перев.

7

Агент по выборам (англ.). – Прим. перев.

8

Новому человеку, выскочке (лаг.). – Прим. перев.

9

Парламентский организатор партии {англ.}. – Прим. перев.

10

Закрытого совещания (англ.). – Прим. перев.

11

Мировой судья (Justice of Peace) {англ.}. – Прим. перев.

12

Член парламента (Member of Parliament) (англ.). – Прим. перев.

13

Национальных съездах (англ.). – Прим. перев.

14

Назначении кандидатов {англ.}. – Прим. перев.

15

Реформа государственной гражданской службы (англ.). – Прим. перев.

16

Искренностью (лат.). – Прим. перев.

17

Сокрытый Бог (лат.). – Прим. перев.

18

Евангельские советы (лат.). – Прим. перев.

Политика как призвание и профессия. Макс Вебер filosoff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!